

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-787-799

Семейное предпринимательство на селе: штрихи к портрету*

О.Б. Божков

Социологический институт — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, Россия, 190005
(e-mail: olegbozh@gmail.com)

Статья представляет собой промежуточный итог многолетних исследований, в фокусе которых находится широкий круг вопросов, связанных со становлением фермерского движения, с взаимодействием современных сельских предпринимателей с властью, населением и коллегами по производственной деятельности. Настоящий проект (полевые экспедиции 2018—2019 годов) нацелен на оценку проблем и перспектив функционирования двух наиболее значимых социальных институтов российского села — местной власти и предпринимательства — с точки зрения доминирующих сценариев их взаимодействия и роли в стабилизации положения сельских территорий. Двухлетний цикл полевых исследований повторяет экспедиции десятилетней давности, сочетая количественный и качественный подходы для изучения кейсов — конкретных населенных пунктов, репрезентирующих особенности нечерноземных регионов России. В данной статье внимание сосредоточено на проблеме, которая до сих пор практически не попала в поле зрения исследователей аграрных проблем, а именно — на состоянии семейного предпринимательства на селе. Во введении автор предлагает краткий обзор специфики сельского уклада жизни в дореволюционной России. В первой части статьи рассматриваются социально-экономические процессы, происходившие на селе в советский период и заложившие фундамент тех проблем, которые предопределили траектории постсоветского развития сельских территорий. Во второй части статьи представлена характеристика особенностей постсоветского периода в жизни села, преимущественно по материалам полевых экспедиций, которые были проведены при непосредственном участии автора в районах российского Нечерноземья в 2004—2008 годы. И, наконец, в третьей части статьи суммированы первые впечатления автора и некоторые результаты полевых экспедиций 2019 года, обозначены те проблемы сельских предпринимателей, которые перманентно преследуют их. Так, например, практически в каждом сельском районе российского Нечерноземья можно встретить фермеров, однозначно ориентирующихся на семейное предпринимательство, но вынужденных для выстраивания своей деятельности идти на многочисленные ухищрения, подтверждающие теорию М. Серто о сопротивлении «слабых» «сильным».

Ключевые слова: крестьянская семья; деревенский уклад жизни; фермерство; семейное предпринимательство; государственная поддержка; стратегия устойчивого развития сельских территорий

Чтобы ввести читателя в проблематику реализуемого исследовательского проекта, необходим хотя бы краткий ретроспективный обзор причин нашего обращения к изучению семейного предпринимательства на селе. И начать этот обзор следует с крепостного права, которое поставило крестьян в положение

* © Божков О.Б., 2019.

Статья поступила 30.06.2019 г. Статья принята к публикации 03.09.2019 г.

рабов: владелец крестьянских душ мог продать целую семью оптом, а мог и распродать всех членов семьи по отдельности. Крепостными крестьянами помещик мог откупиться от армии, его богатство в принципе определялось числом крестьянских душ. О бедственном и несправном положении крепостных немало свидетельств в русской художественной литературе и публицистике XIX века. Правда, крепостное право распространялось не на всю территорию России — северные области (в частности Архангельская губерния), а также Сибирь практически не знали крепостного права. Манифест 1861 года, отменив крепостное право, вроде бы дал крестьянам свободу. Однако ключевой для крестьян вопрос о земле практически не был решен, как и вопрос о частной собственности — полноценным субъектом права стали крестьянская община и семья (или хозяйство) в целом.

Одним из важнейших следствий Манифеста 1861 года было сокращение численности крестьянских семей: «До отмены крепостного права в деревне преобладала составная крестьянская семья. Сельские семьи были, как правило, многочисленны. Например, в 1857 году семья включала в среднем в Воронежской губернии 9,6 человек обоего пола, Курской — 9,1, Тамбовской — 9,0. Во второй половине XIX века численность сельской семьи уменьшается. Если в 1858 году средняя численность крестьянской семьи в Воронежской губернии составляла 9,4 чел., то в 1884 году — 6,8, а в 1897 — 6,6. Аналогичная тенденция по снижению средней численности крестьянских семей отмечена и в других губерниях. Крупная семья представляла собой своеобразную форму трудовой кооперации, половина ее численного состава были работниками. Поэтому такие семьи чаще всего являлись зажиточными. Многосемейность придавала крестьянскому хозяйству устойчивость и выступала залогом экономического благополучия» [2. С. 501]. «Веками формы традиционной крестьянской семейной жизни были „подогнаны“ к экономическим и социальным условиям российского земледельческого хозяйства. Но во второй половине XIX века эти условия стремительно уходили в прошлое, а вместе с тем лишались опоры и приспособленные к таким условиям семейные структуры, формы и нормы семейных отношений. Именно в это время вышло наружу всегда существовавшее подспудно противоречие „малой“ и „большой“ семей. В России дольше, чем в странах Западной Европы, задержалась большая, неразделенная семья — расширенная (т.е. состоящая из одной супружеской пары и других, не являющихся супругами родственников разной степени близости, — овдовевших родителей и прародителей, неженатых детей, внуков, правнуков, дядьев, племянников и т.д.) и составная (имеющая в своем составе несколько супружеских пар и, как и расширенная семья, других родственников)» [5].

Это обстоятельство вместе со «свободой», дарованной Манифестом 1861 года, привело, во-первых, к заметному расслоению крестьянства, во-вторых — к активной и масштабной миграции крестьян в города. Первая мировая война, а затем революция и гражданская война, охватившие большую часть территории страны, не способствовали укреплению российского села. Законы военного коммунизма и продразверстка привели деревню к обнищанию и сельским бунтам — достаточно вспомнить жестоко подавленные Кронштадское, Тамбовское, Ишимское крестьян-

ские восстания против советской власти. Введение советской властью продовольственного налога облегчило ситуацию, но радикально крестьянский вопрос не решило, да и не могло решить [1; 6]. Небольшой передышкой стал период НЭП, позволивший наиболее крепким крестьянским хозяйствам, насколько это в принципе было возможно, восстановиться. Но крестьянское счастье оказалось недолговечным.

Все кратко перечисленные вехи в истории российского крестьянства, по сути, фиксируют этапы уничтожения крестьянского (сельского) уклада жизни, который предполагает не просто коллективный труд, но, в первую очередь, именно семейное ведение хозяйства, что для нас особенно важно.

Крутая ломка крестьянского хозяйственного уклада

Коллективизация стала, пожалуй, самой крутой ломкой сельского уклада жизни. По сути, в отношении сельских жителей советская власть надолго установила новую систему крепостного права [7]. Сопровождавшее коллективизацию «раскулачивание» поэтапно выбивало наиболее эффективных, крепких хозяев из толщи деревенской жизни. Поэтапно оно осуществлялось потому, что проводилось по разрядке: сначала выслали самых обеспеченных, имеющих наемных работников и тягловый скот в достатке, а затем «в дело» пошли и так называемые «середняки» — те, кто имел и не отдавал в колхозы лошадей. Конечно, основанием для раскулачивания служили также наветы и просто испорченные отношения с кем-то из членов комбеда.

Приведем небольшую справку относительно отсутствия паспортов у сельских жителей СССР: «Когда ЦИК и СНК СССР ввели в 1932 году паспортную систему, лица без паспорта подвергались штрафу, а если они прибыли из других районов СССР, то еще и удалению в административном порядке, а без прописанного в данной местности паспорта нельзя было поступить на работу. Колхозникам же паспорта просто не выдавались, а из колхоза было разрешено отлучаться лишь по однократной справке, выдаваемой председателем колхоза, с указанием цели и срока отлучки (но не более 30 суток). Так что крестьяне были даже „более крепостными“, чем при царизме. Главной особенностью паспортной системы 1932 года было то, что паспорта вводились только для жителей городов, рабочих поселков, совхозов и новостроек. Колхозники были лишены паспортов, и это обстоятельство сразу ставило их в положение прикрепленных к месту жительства, к своему колхозу. Уехать в город и жить там без паспорта они не могли: согласно пункту 11 постановления о паспортах такие „беспаспортные“ подвергались штрафу до 100 рублей и „удалению распоряжением органов милиции“. Повторное нарушение влекло за собою уголовную ответственность. Введенная 1 июля 1934 года в УК РСФСР 1926 года статья 192а предусматривала за это лишение свободы на срок до двух лет. Таким образом, для колхозника ограничение свободы места жительства стало абсолютным. Не имея паспорта, он не мог не только выбрать, где ему жить, но даже покинуть место, где его застигла паспортная система. „Беспаспортный“, он легко мог быть задержан где угодно, хоть в транспорте, увозящем его из села.

В таком виде паспортная система и система прописки просуществовали до 1970-х годов. В 1970 году возникла небольшая лазейка для непаспортизированных, приписанных к земле колхозников. В принятой „Инструкции о порядке прописки и выписки граждан исполкомами сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся“, утвержденной приказом МВД СССР, была сделана внешне незначительная оговорка: „В виде исключения разрешается выдача паспортов жителям сельской местности, работающим на предприятиях и в учреждениях, а также гражданам, которым в связи с характером выполняемой работы необходимы документы, удостоверяющие личность“. Этой оговоркой и стали пользоваться все те, — особенно молодежь — кто любыми средствами готов был бежать из разоренных деревень в мало-мальски обеспеченные города. Но лишь в 1974 году началась поэтапная законная отмена крепостного права в СССР. Новое „Положение о паспортной системе в СССР“ было утверждено постановлением Совета Министров СССР от 28 августа 1974 года за № 677. Самое существенное отличие его от всех предыдущих постановлений — то, что паспорта стали выдавать всем гражданам СССР с 16-летнего возраста, впервые включая и жителей села, колхозников. Полная паспортизация началась, однако, лишь 1 января 1976 года и закончилась 31 декабря 1981 года. За шесть лет в сельской местности было выдано 50 миллионов паспортов» [4]. И проводилась всеобщая паспортизация вплоть до 1989 года.

Деньги колхозники видели тоже не часто, разве что время от времени им удавалось продать что-то на рынке или дачникам (мясо, овощи, молоко, корзинки, лапти или иные «экзотические» продукты народных промыслов). В самом начале 2000-х годов мы начали социологические экспедиции в села Северо-Запада (Тверская, Новгородская и Вологодская области), и многие молодые участники экспедиций впервые увидели так называемые «книжки колхозников», где палочками (реже цифрами) отмечались отработанные трудовые дни. Итоги подводились не каждый месяц, но в итогах сообщалось о том, что заработал каждый колхозник. Сумма в рублях там встречалась крайне редко — чаще речь шла о мешках (или килограммах) картошки, зерна, овощей, т.е. оплата труда, как правило, осуществлялась «натурой». Пенсии колхозники стали получать только с 1958 года, но они были настолько мизерными, что их и теоретически, и практически не хватало ни на что.

В этих условиях о семейном предпринимательстве на селе не могло быть и речи, хотя личное подсобное хозяйство по-прежнему оставалось делом всей семьи. Тем не менее, советское искусство старательно рисовало пасторальные картины деревенской жизни в кинематографе: «Трактористы» (1939), «Свинарка и пастух» (1941), «Сельская учительница» (1947), «Кубанские казаки» (1949), «Калиновая роща» (1953), «Максим Перепелица» (1955), «Чужая родня» (1956), «Посеяли девушки лен» (1956), «Иван Бровкин на целине» (1958). Этот список, безусловно, не полон, его можно продолжать бесконечно, но представленные в нем такие разные фильмы объединяло не только множество сложных любовных коллизий (таких трогательных, что слезы у зрителей лились рекой), но также и исключительно героический труд в самых невероятных обстоятельствах и богатая беззаботная жизнь, слегка омрачаемая разве что душевными страданиями героев

на фоне очень высокой социальной нравственности и морали. Несомненно, в советских фильмах о деревне личное подсобное хозяйство героев попадало в кадр разве что случайно.

В 1951 году я впервые услышал очень трогательную радиопостановку «Венгерская рапсодия», рассказывающую о том, как деревенский мальчик самостоятельно научился играть на балалайке вторую венгерскую рапсодию Листа, которая ему очень понравилась. В деревню, где жил мальчик Ваня, приехала делегация из Венгрии, и для нее он, конечно, виртуозно исполнил на балалайке эту сложнейшую композицию их соотечественника. После чего его, естественно, направили в столицу — Москву, чтобы «простой деревенский мальчишка», но очень талантливый и упорный, учился музыке и стал народным артистом. В 1950-е годы и последующие десятилетия эту радиопостановку часто передавали по радио, чтобы убедить советских слушателей, что каждый сельский ребенок без каких-либо препятствий может «выбиться в люди». Пути для того, чтобы «выбиться в люди», действительно существовали и, действительно, прежде всего, для мальчишек. После демобилизации из армии они получали паспорта и могли ехать куда угодно и делать что угодно: учиться, работать в любом городе и любой другой деревне, а если там не понравится, то уехать еще куда-нибудь. Армия была первым и гендерно окрашенным социальным лифтом, доступным для сельской молодежи.

Второй социальный лифт для сельской молодежи — образование. Колхозы имели возможность целевым образом направлять молодежь в высшие учебные заведения. Скорее всего, в подавляющем большинстве случаев «направленцы» по окончании вузов возвращались, если не в свои деревни, то в свои районы или сельсоветы, хотя некоторая их часть (порядка 30%) все-таки оседала в городах. И, наконец, третий социальный лифт — система оргнабора. Развивающаяся почти исключительно экстенсивным образом городская промышленность постоянно нуждалась в рабочей силе. Москва и Ленинград, как мощные насосы, откачивали ее не только из сельской местности, но также из малых городов и рабочих поселков, наполняясь так называемыми «лимитчиками». Мегалополисы не ограничивались ближайшим окружением — уже в 1970—1980-е годы рабочую силу приходилось рекрутировать из Белоруссии, Украины, Молдавии и даже Вьетнама и Кореи.

Перестройка как «последняя капля» в разрушении сельского уклада

Наша первая экспедиция в Максатихинский район Тверской области состоялась в 2005 году в рамках программы «Руководители среднего и низшего уровней государственного и экономического управления в условиях кардинальных экономических и политических реформ», которая предполагала проведение сплошного опроса руководителей всех муниципальных образований (поселений) и руководителей действующих сельхозпредприятий: колхозов, СПК, ООО, включая ИП и КФХ, т.е. фермеров. Интервью состояло из двух частей: биографической (личной) и экспертной, посвященной оценкам текущего состояния сельской жизни (в течение 2005—2008 годов в семи районах четырех субъектов Российской Федерации было опрошено 175 человек — 100 глав поселений, включая глав районов,

и 75 руководителей сельских предприятий). Кроме того, в местных архивах и статистических управлениях мы собирали информацию по широкому кругу разных сторон сельской жизни, начиная с 1958 года (когда началась масштабная хрущевская реформа в сфере сельского хозяйства, которая, к сожалению, как и многие другие реформы в России, не была закончена).

Пространственный ареал исследования был выбран не случайно: в 2001—2003 годах мы с моими студентами прошли на байдарках по реке Молога Максатихинский и Лесной районы Тверской области и Пестовский район Новгородской области в рамках другого проекта, поддержанного РФФИ, — «Организация и проведение экспедиций по сбору генеалогических и биографических данных о жителях среднего течения реки Молога». В ходе реализации проекта мы увидели, в сколь плачевном состоянии находится российская деревня — зарастающие кустарником и лесом пашни и луга, руины производственных сельскохозяйственных построек, погибающие школы и дома культуры. Информанты, с которыми мы составляли их генеалогические деревья, в основном очень пожилые люди, ругали перестройку как усугубившую и без того нелегкую жизнь в деревне, что и побудило нас резко сменить проблематику наших полевых исследований, начав работу по новому проекту с изучения архивных и статистических данных.

Они позволили нам увидеть, как происходили укрупнения и разукрупнения колхозов и шла борьба с «неперспективными» населенными пунктами, как складывалась демографическая ситуация в обследованных нами районах. Самые поразительные архивные документы — это годовые отчеты сельсоветов, где мы познакомились с удивительной формулировкой «план по убыткам выполнен полностью», что дало основание для вывода о том, что развал сельского хозяйства в нечерноземной зоне начался задолго до перестройки. Перестройка стала лишь «последней каплей», хотя правильнее было бы говорить не об одной единственной капле, а скорее об «интенсивной капели» — сначала произошел развал экономических связей, затем был взят курс на фермерство и осуществлен вполне сознательный развал колхозов и совхозов. Но, пожалуй, самый мощный фактор уничтожения сельского хозяйственного уклада — смена власти: если в советское время реальной властью являлись райкомы партии, то с развалом КПСС власть перешла в руки районных администраций.

Стремительный «переход к капитализму» больно ударил и по промышленности, и по сельскому хозяйству. Если в городах «успешно» работала ваучерная приватизация, мало кому давшая хоть какие-то дивиденды (люди за гроши продавали свои ваучеры ушлым скупщикам), то в деревнях на свои ваучеры колхозники получали в основном технику, т.е. средства производства — трактор, грузовик, сеялку, борону и т.п. На балансе у колхозов оставались только строения: коровники, мастерские, клубы, школы, детские сады и т.п. Сохранившиеся колхозы быстро обрастали долгами перед государством и колхозниками (нечем было рассчитываться с людьми за выполненную работу).

Когда мы начинали исследование в Максатихинском районе Тверской области, почти все действующие колхозы были на грани банкротства, а с глав районов «сверху» требовали, чтобы в районе оставалось сельскохозяйственное производ-

ство, которое, как известно, трудоемко. К тому же цены на сельхозпродукцию стремительно падали, а на горючее и электроэнергию бурно росли — почти все наши информанты жаловались на разрушенный паритет цен, когда заработать на продукции животноводства или растениеводства было практически невозможно, в отличие от торговли или краже леса.

Несмотря на территориальную близость и сходство географических и климатических условий, каждый из обследованных нами районов имеет свою специфику сельскохозяйственного производства в зависимости от целого ряда внешних и внутренних причин. И причины эти, как оказалось, вовсе не связаны с сельскохозяйственным или промышленным статусом. Руководство промышленного района может долгие годы выстраивать целенаправленную политику сохранения сельскохозяйственного потенциала любыми доступными способами, осознавая важность данной отрасли для поддержания сельской территории (Кадуйский район), или, напротив, полностью развалить сельскохозяйственную отрасль, свернув работу практически всех предприятий (Бокситогорский район):

«Мы банкротить не банкротили. У нас же тут много всяких перемен было. И в связи с этими переменами мы, наверное, и сохранили хозяйства. Может мы где-то нарушали... закон. Но, по крайней мере, мы сделали все возможное для того, чтобы не обанкротились эти хозяйства» (начальник отдела сельского хозяйства, Кадуйский район).

«У нас принято на территории района неофициально винить в этом директоров совхозов [которые бросили убыточные хозяйства и полностью переквалифицировались во владельцы лесозаготовительных предприятий], винить прежнюю власть на уровне района» (руководитель Бокситогорского района).

То же самое относится и к сельскохозяйственным районам: в одних сельское хозяйство еле выживает (Максатихинский район), в других сравнительно успешно функционирует и даже является образцовым по некоторым видам продукции (Лесной, Устюженский район).

«Вот лесновцы — молодцы, у них сельское хозяйство, как-то вот друг дружке они помогают... А у нас этого нет... Даже местная власть не обращает внимания на деревню... Я ездил в Лесной район, там с ребятами пообщался. Там очень умный начальник управления сельского хозяйства. Очень умный и грамотный человек... Они вообще ушли все в крестьянско-фермерское хозяйство» (председатель СПК, Максатихинский район).

Местные власти нашли выход, и не один: во-первых, началось «плановое» реоформление колхозов в СПК, ООО и даже КФХ, и на балансе новых предприятий оказалось все то, что еще было живо, а все прочее списывали или отдавали этим же предприятиям в аренду по «льготным» расценкам. С развалом КПСС старое испытанное средство воздействия на людей — угроза исключения из партии — уже не действовало, но нашлись другие способы и не менее действенные. Например, приходит к главе района предприниматель с просьбой дать ему в аренду помещение под магазин или бытовую мастерскую, а тот ему говорит: «Хорошо, найдем тебе подходящее помещение, а ты возьми-ка небольшой колхоз и наладь там работу». Предпринимателю эта обуза совсем не нужна, а развиваться

необходимо, поэтому он вынужден согласиться. Или другая ситуация: предприниматель вознамерился взять кредит в банке, банк требует привести поручителя, а в те годы самый надежный поручитель — глава районной администрации. И снова та же песня: «Возьмешь колхоз — буду поручителем, не возьмешь — тогда уж не обессудь». Эта тотальная зависимость от районной власти сильно угнетала сельских предпринимателей.

У промышленности были свои проблемы — ей пришлось отказаться от содержания на балансе почти всей «социалки», в том числе и подсобных хозяйств. Например, промышленный гигант «Северсталь» направил в деревню своих людей, чтобы они занялись поддержкой гибнущих колхозов. Во всяком случае «Северсталь» обеспечивала этим колхозам гарантированный сбыт их продукции, а сбыт — одна из ключевых проблем для сельского предпринимательства.

Несмотря на бедственное положение сельского хозяйства и огромное количество практически неразрешимых проблем, наш оптимизм подпитывался уверенным настроем наших героев. За три года экспедиций мы познакомились с массой замечательных людей, настоящих патриотов, влюбленных в свое дело и землю. Почти у каждого из них была не одна возможность уехать из деревни, но наш вопрос «А почему же не уехали?» мы слышали разные ответы: «В городе слишком много суеты», «Да там и дышать-то нечем», «Здесь моя родина и все мои предки жили здесь», и самый частый ответ — «Да если я уеду, тут же все погибнет». Поначалу мы думали, что это «чистый крестьянский пафос» перед городскими исследователями, а потом поняли, что это действительно главный мотив людей, которые полны жизненной энергии и хватки.

А проблем у сельских предпринимателей хватает, независимо от того, как они называются — председатель колхоза, руководитель СПК, фермер или глава крестьянского фермерского хозяйства. В первую очередь — это кадры. Почти все, кто хотел и умел работать, воспользовались перестроечной «свободой» и уехали туда, где есть работа. Деревни в регионе обезлюдели, остались только старики и лодыри, да и сами деревни исчезали со временем. В Бабаевском районе мы с коллегой искали место для лагеря, увидели свежий указатель «Кобелево» и поворот на хорошую проселочную дорогу. Свернули, проехали чуть меньше километра и увидели пять-шесть покосившихся домов с проваленными крышами, еще через 300—400 метров — несколько таких же, явно нежилых домов. Как-то я возвращался из Максатихи, по пути меня «подхватил» один из моих информантов — председатель колхоза, но предупредил, что по дороге ему надо заехать в место, где у него работали два тракториста. Свернули с трассы на лесную дорожку, доехали до опушки леса, притормозили. «Я быстро», — сказал председатель и пошел к полю. Вернулся действительно быстро: «*Слава богу, работают, я не стал их беспокоить, пусть работают. А вообще-то за каждым глаз да глаз нужен. Так и норвят от работы отлынить, только отвернешься — уже сидят в кустах и бухают.*»

В течение многих лет крестьян, по сути, отучали от труда, «оберегали» от ответственности за свой труд и землю — думать об этом должны были начальники, вот теперь и председатель. И, конечно, большая проблема — специалисты сель-

ского хозяйства: агрономы, ветеринарные врачи, зоотехники, механизаторы широкого профиля.

Другая, столь же неразрешимая, проблема — земля. Чтобы вернуть в оборот зарастающие кустарником и лесом пашни и луга, сегодня нужны огромные капиталовложения, которых у сельских предпринимателей просто нет. Получить землю в аренду можно, а в собственность уже проблематично. Впрочем, и с арендой все не так-то просто: если бы была земля в собственности, так под нее и кредит можно было бы взять на развитие хозяйства, но такой возможности нет. Кроме того, для развития нужны длинные, а не короткие кредиты, тем более в сельском хозяйстве.

Нельзя не отметить, что некоторая поддержка сельского предпринимательства со стороны государства в эти годы все-таки была. Это, прежде всего, субсидии, т.е. частичное возмещение расходов на производственные нужды: на покупку скота, кормов, на приобретение горючего и даже некоторой техники. Правда, чтобы получить эти субсидии, надо было заранее подать заявку и оформить немало бумаг, при этом размер субсидий колебался в диапазоне от 30% до 70%, и каков он будет, было неизвестно.

И, наконец, проблема частной собственности тоже не решена и, главное, не решается. Многие наши информанты в 2005—2008 годах робко заговаривали о том, что хорошо бы поставить свои хозяйства на ноги, чтобы передать их потом детям. Тогда вслух об этом говорить стеснялись. Но для себя мы отметили это обстоятельство как более или менее отчетливо выраженную тенденцию — желание людей пускать корни и надеяться, что от этих корней появятся и новые всходы.

По тем же адресам десять лет спустя

Две полевые экспедиции 2018 года уложились в 33 дня. За это время были обследованы четыре района: Бокситогорский в Ленинградской области и три района Вологодской области — Бабаевский, Кадуйский и Устюженский. В 2019-м уже были обследованы Пестовский район в Новгородской области и Лесной район в Тверской области (на момент написания статьи готовилась последняя экспедиция — в Максатихинский район Тверской области). Естественно, за 10—14 лет многое изменилось, и только в Бокситогорском районе мы встретили того главу района, с которым беседовали десять лет назад, а во всех других районах руководители сменились. Сохранились многие старые названия хозяйств, но появились и новые, и среди 50 наших информантов (2018 года) 16 оказались нашими старыми знакомыми, которые и прежде были успешными предпринимателями.

Первое принципиальное изменение состояло в том, что сельские предприниматели начали получать реальную государственную поддержку. Кроме субсидий начинающие предприниматели сегодня могут получить гранты на поддержку и развитие хозяйств. Второе изменение состояло в том, что фермерством стали заниматься молодые люди (28—42 лет). И, третье и самое существенное для нашей темы изменение — очевидная тенденция передачи хозяйств своим детям. Сельское предпринимательство выжило и попыталось стать семейным, как, впрочем, издавна было принято на селе.

Однако эта, казалось бы, естественная тенденция натолкнулась на множество препятствий. Например, начинающий предприниматель получил грант в 1,5 млн рублей для поддержки своего начинания. По условиям гранта под каждые 500 тысяч рублей он должен нанять работника, но он не может принять на работу свою жену, так как она занята на государственной службе, или оформить на работу своего четырнадцатилетнего сына, хотя мальчишка интересуется техникой и равнодушен к животным. Эта ферма — дело семейное, и предприниматель не может и не хочет запрещать сыну водить трактор, ухаживать за телятами. Да и мальчик хорошо справляется с этой работой не в ущерб учебе, а уж во время летних каникул — сам бог велел деревенскому парнишке помогать родителям в хозяйстве, и так велось в деревне испокон века. И жена не может бросить свою работу, поскольку на стадии становления ферма требует вложений и не приносит дохода.

В ходе экспедиций 2018—2019 годов в каждом из обследованных районов мы встретили хотя бы одного фермера, который отчетливо ориентировался именно на семейное предпринимательство, и фактически именно так выстраивает свою деятельность. Однако им приходится идти на определенные ухищрения, подтверждающие теорию М. Серто о сопротивлении «слабых» против «сильных» [11]. Например, братья или муж и жена, отец и сын регистрируют разные хозяйства, или активно привлекают к хозяйственной деятельности своих взрослых детей, вытягивая их обратно из городов или других профессий, упорно стремясь именно к тому, чтобы их дело стало семейным и перешло к их детям.

Таким образом, сельское хозяйство — это, во-первых, четкие сезонные режимы; во-вторых, принципиально коллективная работа; в-третьих, сам уклад сельской жизни привязывает к этой работе всю семью. Безусловно, современные технологии (даже в сельском хозяйстве) не требуют большого числа работников, и уже в силу этого обстоятельства дружная семья вполне в состоянии выполнить большой объем хозяйственных работ без постоянного привлечения наемной рабочей силы. Иными словами, сегодня есть все предпосылки для нормального функционирования семейного сельского предпринимательства. Опыт наших исследований убеждает в том, что от государства требуется не так уж много, чтобы поддерживать современных фермеров. Вернее, главное — чтобы государство и его институты не мешали, не ставили лишних препон. И если в 2005—2008 годах основная претензия фермеров к государству была в том, что не дают денег, то сегодня буквально каждый второй говорит: «Да, не надо нам этих денег, главное, чтобы не мешали своими бесконечными и бессмысленными проверками». Еще бы семейным предпринимателям на селе, конечно, не помешали бы длинные кредиты и более прозрачное ценообразование.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00568 «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья».

Библиографический список

- [1] *Алешкин П., Васильев Ю.* Крестьянские восстания в России в 1918—1922 гг. От махновщины до антоновщины. М., 2013.
- [2] *Безгин В.Б., Ерин П.В.* Крестьянская семья и сельская община конца XIX — начала XX века (на материалах Тамбовской губернии) // Вестник ТГТУ. 2012. Т. 18. № 2.
- [3] *Божков О.Б., Троцук И.В.* Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4.
- [4] В каком году колхозники СССР смогли получить паспорта? // <http://demoscope.ru/weekly/2002/093/argxiv01.php>.
- [5] *Вишневский А.Г.* Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. 2008. № 7.
- [6] *Коновко А.* Крестьяне и большевики // <http://expert.ru/expert/2012/15/gibel-uklada>.
- [7] Ложь о паспортной системе СССР и «крепостных» колхозниках // <https://www.liveinternet.ru/users/3790905/post393798679>.
- [8] Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы / отв. ред. Т.Е. Кузнецова. М., 2009.
- [9] *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М., 2013.
- [10] *Никулин А.М., Троцук И.В.* Сельское развитие Финляндии: взаимодействие государства, фермеров и науки (возможные уроки для России) // Мир России. 2014. № 3.
- [11] *Серто М.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб., 2013.
- [12] *Троцук И.В.* Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2007. № 4.
- [13] *Троцук И.В.* Путеводитель по постсоветской аграрной реформе в России: объективное и субъективное измерение сельской жизни // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 3.
- [14] *Элликсон Р.* Порядок без права: как соседи улаживают споры / пер. с англ. М. Марков, А. Лашев; науч. ред. Д. Кадочников. М., 2017.
- [15] *Scott J.C.* Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. Yale University Press, 1985.
- [16] The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition / C Hann., R. Rottenburg, B. Schnepel, S. Shimada (Eds.) Vol. 1. Lit Verlag, 2003.
- [17] *Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I.* Russian agriculture during Putin's fourth term: a SWOT analysis // Post-Communist Economies. 2019. Vol. 31. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-787-799

Family entrepreneurship in the countryside: Some details of the portrait*

O.B. Bozhkov

Sociological Institute branch — of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences

7th Krasnoarmeiskaya St., 25/14, Saint Petersburg, 190005, Russia

(e-mail: olegbozh@gmail.com)

Abstract. The article is an interim result of many years of studies focused on the wide range of issues related to the development of farmers' movement, to the interaction of contemporary rural entrepreneurs with government, rural population and colleagues in production activities. This project (field expeditions

* © O.B. Bozhkov, 2019.

The article was submitted on 30.06.2019. The article was accepted on 03.09.2019

of 2018—2019) aims at assessing the challenges and prospects of the two key social institutions of the Russian village — local authorities and entrepreneurs — in terms of the dominant scenarios of their interaction and their role in stabilizing the situation in rural areas. This two-year field studies repeat the expeditions of a decade ago combining quantitative and qualitative approaches in the study of specific cases — settlements that represent the features of the Non-Black Earth regions of Russia. The author focuses on the issue actually ignored by researchers of agricultural problems — family entrepreneurship in the countryside. In the introduction, the author provides a brief overview of the specifics of the rural lifestyle in pre-revolutionary Russia. The first part of the article considers social-economic processes in the countryside during the Soviet period, which laid the foundation for the problems that determined the paths of the post-Soviet rural development. The second part of the article presents the features of the post-Soviet period in the life of the village, mainly based on the data of field expeditions to the Russian Non-Black Earth regions in 2004—2008. And, finally, the third part of the article summarizes the author's first impressions and some results of the 2019 field expeditions and identifies permanent challenges for rural entrepreneurs. For instance, in almost every rural area of the Russian Non-Black Earth regions, one can meet farmers who strive to create a family business but are forced to take numerous tricks to achieve their goal, as if proving M. Certeau theory of resistance of the “weak” to the “strong”.

Key words: peasant family; rural lifestyle; farming; family entrepreneurship; governmental support; strategy of rural areas' sustainable development

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 18-011-00568 “Models of interaction of agricultural business and local authorities: Mechanisms of reproduction of the entrepreneurs' stratum and informal economy in the Non-Black Earth Region”.

References

- [1] Aleshkin P., Vasiliev Yu. *Krestyanskie vosstaniya v Rossii v 1918—1922 gg. Ot makhnovshchiny do antonovshchiny* [Peasant Uprisings in Russia in 1918—1922 From Makhnovshchina to Antonovschina]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [2] Bezgin V.B., Erin P.V. *Krestyanskaya semya i selskaya obshchina kontsa XIX — nachala XX veka (na materialakh Tambovskoy gubernii)* [Peasant family and rural community of the late 19 — early 20 centuries (based on data from the Tambov Province)]. *Vestnik TGTU*. 2012; 18 (2) (In Russ.).
- [3] Bozhkov O.B., Trotsuk I.V. *Tendentsii razvitiya selskikh rayonov Rossii: postanovka issledovatel'skoy zadachi i pervye rezultaty povtornogo keys-stadi* [Tendencies of the Russian rural areas development: The research task and first results of the comparative case-study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4) (In Russ.).
- [4] *V kakom godu kolkhozniki SSSR smogli poluchit pasporta?* [In what year did the collective farmers of the USSR get passports?]. <http://demoscope.ru/weekly/2002/093/архiv01.php> (In Russ.).
- [5] Vishnevsky A.G. *Evolutsiya rossiyskoy semyi* [Evolution of the Russian family]. *Ekologiya i Zhizn*. 2008; 7 (In Russ.).
- [6] Konovko A. *Krestyane i bolsheviki* [Peasants and Bolsheviks]. <http://expert.ru/expert/2012/15/gibel-uklada> (In Russ.).
- [7] *Lozh o pasportnoy sisteme SSSR i “krepостnykh” kolkhoznikakh* [Lies about the passport system of the USSR and the “serf” collective farmers]. <https://www.liveinternet.ru/users/3790905/post393798679> (In Russ.).
- [8] *Mnogoukladnost Rossii: istoricheskie korni, sostoyanie i perspektivy* [Multi-forms of the Russian Ways of Life: Historical Roots, State, and Prospects]. Otv. red. T.E. Kuznetsova. Moscow; 2009 (In Russ.).

- [9] Nefedova T.G. *Desyat aktualnykh voprosov o selskoy Rossii: Otvetny geografa* [Ten Actual Questions about Rural Russia: Answers of a Geographer]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [10] Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Selskoe razvitie Finlyandii: vzaimodeystvie gosudarstva, fermerov i nauki (vozmozhnye uroki dlya Rossii) [Rural development of Finland: The interaction between state, farmers and scientific knowledge (possible lessons for Russia)]. *Mir Rossii*. 2014; 3 (In Russ.).
- [11] Certeau M. *Izobreteniye povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat*. [The Practice of Everyday Life. 1. The Art of Doing]. Per. s fr. D. Kalugina, N. Movninoy. Saint Petersburg; 2013 (In Russ.).
- [12] Trotsuk I.V. Vozmozhnosti metoda keys-stadi v izuchenii sotsialnykh problem sela [Case-study's potential in the study of social problems of the village]. *RUDN Journal of Sociology*. 2007; 4 (In Russ.).
- [13] Trotsuk I.V. Putevoditel po postsovetsoy agrarnoy reforme v Rossii: obektivnoe i subektivnoe izmereniye selskoy zhizni [A guide to the post-soviet agrarian reform in Russia: Objective and subjective dimensions of rural life]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (3) (In Russ.).
- [14] Ellickson R. Poryadok bez prava: kak sosedi ulazhivayut spory [Order without Law: How Neighbors Settle Disputes]. Per. s angl. M. Markov, A. Lashchev; nauch. red. D. Kadochnikov. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [15] Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. Yale University Press; 1985.
- [16] *The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition*. C. Hann, R. Rottenburg, B. Schnepel, S. Shimada (Eds.). Vol. 1. Lit Verlag; 2003.
- [17] Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. Russian agriculture during Putin's fourth term: a SWOT analysis. *Post-Communist Economies*. 2019; 31 (4).